

E. Daniel Arey
Blizzard Entertainment
darey@blizzard.com

КРОВЬ ОТЦОВ НАШИХ

Автор:

Э. Даниел Арей

Король Вариан Ринн внезапно пробудился от глубокого сна. Он неподвижно стоял в сумраке комнаты, прислушиваясь к негромкой капели, эхо которой отражалось от стен Крепости Штурмграда. Вариана охватил ужас, потому что этот звук был ему знаком.

Он осторожно подошел к двери и прижал ухо к полированным дубовым доскам. *Ничего. Ни движения. Ни звука.* Словно издалека донесся приглушенный шум толпы, выкрикивающей приветствия за стенами замка. *Неужели я проспал церемонию?*

И снова послышался странный звук капающей воды, на этот раз отражающийся от ледяного пола. Звук был четким и хорошо различимым. Вариан медленно открыл дверь и начал вглядываться в коридор. Там было темно и тихо. Даже факелы мерцали холодным огнем, который гас, едва вспыхнув. Вариан всегда отличался сдержанностью, но тут он почувствовал, как у него засосало под ложечкой: чувство старое или новое? Или просто давно забытое? Больше всего оно походило на детский... *страх?*

Король немедленно отбросил эту мысль. Его звали Ло'Гош, Призрачный Волк. Он был гладиатором, который вселял страх в сердца врагов и даже друзей. И все же Вариан не мог избавиться от первобытного чувства тревоги и опасности, овладевшего его разумом.

Выйдя в коридор, Вариан обратил внимание, что на обычных местах не было стражей. *Неужели все заняты подготовкой ко Дню памяти? Или случилось что-то страшное?*

Вариан осторожно пробрался в неосвещенный коридор и вошел в просторный тронный зал Крепости Штурмграда. Король знал тут все до последнего камня, но сейчас помещение с высокими стенами казалось иным – больше, темнее и совсем пустым. С потолка свешивались знамена. На каждом из ярких полотнищ была вышита золотом львиная голова – герб, выражавший гордость и силу великой нации Штурмграда.

Из темноты до Вариана донесся приглушенный крик, а затем звуки ударов. Он опустил взгляд и увидел кровавый след, тянущийся к центру зала. Там он едва мог различить две фигуры, яростно бившихся друг с другом. Глаза Вариана привыкли к темноте, и он разглядел израненного, окровавленного мужчину на коленях, над которым возвышался массивный женский силуэт.

Вариан отлично его знал. Даже в темноте он выдавал жестокость и изощренность натуры его обладательницы. Это была Гарона Полуорчиха, наполовину дреней, наполовину орк, – убийца, воспитанница Гул'дана, который славился извращенностью своего ума.

Вариан застыл, не веря своим глазам. Свежая кровь тем временем стекала к острию кинжала Гароны и капала на пол, где на холодном мраморе расцветал кровавый цветок. Король внезапно все понял. Броня. Королевские одеяния. Лежащий на полу мужчина был его отцом, королем Ллейном!

Гарона сквозь слезы посмотрела на Вариана, и ее лицо исказила странная, самодовольная ухмылка. Затем она быстро нанесла удар своим кинжалом. Сталь сверкнула в темноте и погрузилась в плоть коленопреклоненного короля.

– Нет! – закричал Вариан и бросился к отцу, проскальзывая на окровавленном полу. Он прижал к себе безжизненное тело, а Гарона тем временем растворилась во тьме.

– Отец, – звал Вариан, укачивая Ллейна.

Лицо короля исказила гримаса боли, и из приоткрытых губ потекла кровь. Сделав предсмертный вздох, король успел произнести несколько слов: – Такова судьба всех королей нашей династии...

Глаза Ллейна закатились, а рот открылся, придавая лицу жуткое выражение. В глубине его горла послышался шорох хитина. Вариан хотел закрыть отцу глаза, но не смог. В развернутом рту мертвого короля что-то закопошилось, мерцая и извиваясь в неверном свете сумерек.

Внезапно из нутра короля изверглось целое полчище личинок – тысячи и тысячи извивающихся червей облепили пепельно-бледное лицо Ллейна. Вариан попытался стряхнуть их, но личинки полностью облепили тело Ллейна и начали пожирать его с отвратительным чавканьем. Он в ужасе закричал.

Вариан выпрямился на стуле, но в его ушах все еще звучал ужасный крик. Он расположился за картографическим столом в своих личных покоях в Крепости Штурмграда. По комнате струился теплый солнечный свет, а из высоких окон доносились крики толпы. *Празднование Дня памяти в самом разгаре.*

В руках Вариан держал потускневший серебряный медальон. Он был надежно закрыт на ключ. Вариан инстинктивно попытался открыть украшение, но, как и раньше, замок не поддавался.

Дверь распахнулась, и в кабинет влетел главнокомандующий гарнизоном Штурмграда. Генерал Маркус Джонатан был встревожен.

– Что случилось, Ваше Величество? Мы слышали крик.

Вариан отложил медальон и встал.

– Все в порядке, Маркус. – Король поправил доспехи и откинул темную прядь с усталых глаз. Пальцы коснулись глубоких морщин, которые залегли на его лбу от

тревог и недосыпа последних месяцев – это след забот, которыми наполнилась его жизнь после внезапного нападения дракона Смертокрыла на Азерот и Штурмград в частности.

Ради праздника и король, и генерал сегодня оделись в парадное облачение, и высокий, красивый Джонатан выглядел на порядок лучше остальных.

– Церемония почитания начнется через три часа, Ваше Величество, – напомнил генерал. – Ваша речь готова?

Вариан посмотрел на чистый свиток пергамента, лежавший на столе.

– Я все еще думаю, Джонатан. – *«И, кажется, просто не могу найти верных слов»*, – сказал он про себя.

Главкомандующий внимательно посмотрел на своего повелителя, и Вариан поспешно сменил тему:

– Мой сын уже приехал?

Генерал Джонатан покачал головой:

– Мы еще не видели принца Андуина, Ваше Величество.

Вариан отвернулся к окну, пытаясь скрыть беспокойство. На улице было море людей. Все размахивали флагами, кидали серпантин, пили и ели всласть, смеялись, а дети были одеты в костюмы любимых героев прошлого. День памяти отмечали хоть и шумно, но с должным почтением. И все же Вариан никогда не мог найти в этом празднике повод для радости.

Он смотрел, как толпа продвигается к украшающей вход в город Аллее Героев, где были установлены памятники величайшим защитникам человечества. Помост для церемонии почитания установили как раз в тени этих величественных фигур, и сегодня о них будут говорить с уважением и благодарностью за их подвиги.

Джонатан тем временем продолжал:

– Когда вы будете готовы, сир, с вами хочет встретиться архиепископ. Он расскажет о ходе восстановления города и о том, как продвигается лечение раненых.

– Хорошо. Я скоро приму его. – Вариан жестом показал генералу, что тот свободен. Джонатан склонил голову и тихо покинул кабинет, закрыв за собой дверь.

Вариан отогнал мысли о полотнищах в тронном зале и, снова достав медальон, начал вглядываться в собственное отражение на его зеркальной поверхности. *Мир изменился, но я должен быть непреклонным.*

Вариан взглянул на портрет короля Ллейна, висевший над камином. Сегодня больше, чем в какой-либо другой день, правитель людей, король Штормграда, основа Альянса, должен быть на высоте. Отец не ждал бы от него меньшего.

Архиепископ Бенедикт специально для этого дня нарядился в лучшие одежды и украшения, олицетворяя собой гордость штормградской культуры. Рядом с ним стоял чумазый человечек с целой кучей измятых пергаментов.

Бенедикт нетерпеливо взглянул на Вариана, когда тот вышел из своих покоев и начал спускаться по лестнице.

– Да благословит вас Свет, король Вариан, – улыбнулся архиепископ.

– И вас, отец, – ответил Вариан. – Вы так принарядились, будто готовитесь к встрече с создателем.

Отрепетированным движением Бенедикт торжественно взмахнул своим посохом.

– Такое сейчас время. Мы каждую минуту должны быть готовы воссоединиться со Светом.

Человечек слева от архиепископа нервно ерзал: ему явно тяжело было держать все карты и свитки. Неожиданно Вариан узнал в нем Бароса Алекстона,

городского архитектора. Сделать это было довольно сложно: его лицо и одежда были покрыты грязью.

Вариан пригласил их обоих следовать за ним.

– Как продвигается восстановление города, Барос?

– Прекрасно, как и планировалось, Ваше Величество. – Барос кивнул, на ходу подхватывая падающие свитки. Бенедикт ускорил шаг и похлопал архитектора по спине.

– Барос такой скромный, Ваше Величество! Он творит чудеса, чтобы привести Штурмград в порядок. Более того, он вносит улучшения в план столицы.

Вариан почувствовал облегчение. Хорошо, что к его советникам вернулся хоть какой-то оптимизм.

– С чем проблем особенно много?

Архитектор принялся нервными движениями разворачивать один из своих многочисленных свитков прямо на ходу, из-за чего три других пергамента упали на пол.

– Простите, сир, вот оно, – Барос показал точку на карте, отметив ее еще и отпечатком грязного пальца. – Мы исследовали повреждения, нанесенные двум главным башням у входа в город. – Он покачал головой и присвистнул. – Похоже, черный дракон был гораздо тяжелее, чем можно было предположить, исходя из его размеров. Вероятно, вес добавляет его броня из темного элемента. Мы прорыли туннель вниз и обнаружили, что фундаменты башен пострадали довольно сильно.

Попутно Барос разворачивал другие диаграммы:

– То же мы можем сказать и о восточном крыле крепости здесь... и здесь, и еще о высоких зданиях над портом, включая то, что осталось... – Архитектору было так больно об этом говорить, что он не смог закончить перечисление.

За него продолжил Бенедикт:

– Что осталось от старых казарм, и на месте парка теперь огромный кратер.

Да благословит Свет души погибших.

Было видно, как погрузнело под слоем грязи лицо Бароса.

– Боюсь, восстанавливать придется много, понадобится уйма средств...

Вариан вскинул глаза на архитектора. Старая боль вновь напомнила о себе.

Он говорит о деньгах? В такое время? Похоже, что ни Бенедикт, ни Барос не заметили его реакции, и Вариан поспешил вниз по лестнице, чтобы подавить гнев, разгоревшийся внутри.

На следующей площадке король остановился, чтобы взглянуть на повреждения, которые затронули замок. Лестничный пролет рядом с проломом в стене завалило мусором. Через дыру было видно небо и город, раскинувшийся у подножия замка. Пока Вариан вглядывался в пролом, Барос быстро сверился со своими бумагами.

– Мы уже заказали в каменоломне материалы для починки, Ваше Величество, – посмотрел Барос на короля и сразу заметил признаки раздражения на его лице. Он постарался скрасить ситуацию. – Мы все очень быстро починим. В замке и без того сквозняков хватает, не так ли?

Вариан не обратил на слова Бароса внимания. Он задумчиво провел рукой в перчатке по шершавым камням, как будто гигантскими челюстями вырванным из башни; впрочем, почти так все и было.

Внезапно перчатка зацепилась за что-то острое. Вариан протянул руку и ухватил торчащий из стены осколок обсидиана, похожий на кинжал. Это был кусок элементиевой брони дракона – черный, как ночь, острый, как лезвие. Длина его достигала почти двух ладоней. Осколок застрял глубоко между камнями, но Вариану удалось его достать.

Он показал его своим сопровождающим.

– Эта тварь... Смертокрыл... Он не первая беда, обрушившаяся на стены Штурмграда. –Вариана сверлил архитектора взглядом. – Мы восстановим город и укрепим его, во сколько бы это нам ни обошлось. И мы заставим это черное чудовище заплатить за свои деяния в десятикратном размере!

Сквозь пролом король смотрел на свой разрушенный город. Его перчатка поскрипывала, когда он в припадке тихой ярости сжимал осколок драконьей брони. Ему открывался вид на гавань, где вздымался лес мачт. В порту стояли судна всех цветов, форм и размеров. В День памяти в Штурмград всегда прибывали паломники, чтобы воздать почести героям человечества, но такого скопления народа Вариан еще не видел.

На его глазах в гавань медленно вошел еще один корабль и встал на якорь. Это было величественное калдорайское судно, сияющее серебряной отделкой, а его фиолетовые паруса источали тонкий аромат. Вариан заткнул обсидиановый осколок за пояс и повернулся к своим советникам.

– Они прибыли сюда, чтобы почтить прошлое или потому что боятся будущего?

Бенедикт взглянул на забитый кораблями порт.

– Многие сейчас ищут убежища от гнева черного дракона, Ваше Величество.

Кто-то даже поговаривает, будто это предзнаменование конца света.

Вариан насмешливо ухмыльнулся.

– Я бы не жертвовал своими силами и тем более сном, святой отец, раздумывая над глупыми заявлениями безумцев из культа Сумеречного Молота. Разве что только вы не собираетесь использовать их болтовню в своих проповедях, – Вариан криво улыбнулся.

– Я готов на все, лишь бы снова обратить помыслы и деяния людей к Свету,
– Бенедикт улыбнулся в ответ. – Несомненно, людям Штурмграда нужна надежда, но еще больше им нужен план действий. Я уверен, что наш король вселит в нас веру в лучшее своей речью на церемонии памяти.

Вариан задумался над словами архиепископа: что тут скажешь, какие слова залечат раны, терзающие этот мир?

Явился генерал Джонатан. Он учтиво поклонился архиепископу и повернулся к королю.

– Простите, Ваше Величество, но меня попросили вам напомнить, что в тронном зале вас ожидает почетная делегация. – Джонатан попытался улыбнуться, чтобы смягчить новость.

Вариан содрогнулся. Он терпеть не мог свои представительские обязанности, особенно помпу и официоз праздников. Он бы скорее делал то, что положено воину – выслеживал бы дракона, прорубался сквозь полчища демонов, а не возился бы с делегацией совершенно невыносимых дипломатов. *Они намного вреднее для здоровья.*

Вариан вздохнул и смирился с судьбой.

– Хорошо, генерал. Давайте разберемся с этим.

В тронном зале стояла Джайна Праудмур и рассматривала разномастную толпу знати, политиков и других делегатов.

Главный зал Крепости Штормграда был огромен, но народу в него набилось столько, что свежего воздуха совсем не осталось. Под аркой собрался целый сонм светил, и края этой толпе видно не было.

Как правительница Терамора Джайна была членом почетной делегации, участники которой имели право стоять за королем во время его памятной речи. Сейчас Альянс подвергался опасностям на всех фронтах, и многие пришли, чтобы узнать, как великий правитель Штормграда планирует решать недавний мировой кризис.

Рядом с Джайной стоял Генн Седогрив. Он с не меньшим интересом разглядывал собравшихся людей. Джайна попыталась глазами отыскать в толпе

Андуина, но принца в зале не было. Интересно, помирились ли Вариан и Андуин после последней ссоры, из-за которой юный принц уехал на поиски мудрости к дренейскому пророку Велену? Джайна знала об упрямстве Вариана. Топор войны он зароет только среди черепов своих врагов. Да, раз принца не было, они явно не помирились.

Седогрив нетерпеливо вздохнул. Публика ждала уже довольно долго, обратив взоры на средоточие штормградской власти – знаменитый Львиный Трон династии Риннов.

Джайна посмотрела на величественных кошек, украшавших трон, – всегда настороженных и готовых к бою, словно они защищали весь Азерот. Она задумалась, насколько хорошо этот идеал внушили Вариану, когда тот был еще ребенком, и насколько сильно это давление повлияло на его образ мышления. *Должно быть, тяжело расти в тени героев. Безумием было бы считать, что человеку по плечу такой груз.* Когда-то она любила того, которого непосильное бремя сломало.

Джайна наблюдала за толпой и оценивала обстановку. Она обладала завидным даром читать души людей. Но сегодня и без такого дара можно было буквально ощущать страх и отчаяние, витавшие в воздухе. Она нашла в толпе источник недовольства. Оно исходило от группы знати и послов, окружавших огромного мужчину с унылым красным лицом. Лорд Альдус Лесковар, сын предателя Грегора Лесковара, жаловался почти на все вокруг, и его настроение передавалось окружающим.

Знатные гости уже достаточно выпили, чтобы у них развязались языки. Джайна слышала, что имя короля Ринна упоминается все чаще, и все чаще это походило на плевки в ядом.

Джайна отдавала себе отчет, что частично слова этих людей были правдой. У

Вариана был сложный характер, и его друзьям с ним было тяжело не меньше, чем его врагам. Но она достаточно долго была знакома с королем, чтобы знать, что у него верное сердце. Он бы отдал жизнь за свой народ. Его вели древние принципы, которые в наше время понимали немногие: кодекс чести, который требовал от правителя чего-то большего. Непонимание отгородило короля от его народа и даже от сына, и враги Ринна не преминули этим воспользоваться.

Джайна всегда была на стороне Вариана, если не самым ревностным его защитником. *И Свет знает, быть союзником Вариана сложно, а близким советником или другом – и того сложнее.* Имея дело с Призрачным волком, Джайна знала, что лучше найти подход к его сердцу, чем попасть в его клыки.

На повестке дня у Джайны было еще раз попытаться убедить Вариана, что он чересчур предвзято относится к Орде, но пьяные делегаты, сгрудившиеся вокруг вспыльчивого барона, легко могли нарушить ее планы. Заставив себя улыбнуться, она подошла к барону Лесковару и его окружению.

– Доброй памяти, – кивнула Джайна, произнеся традиционное для этого дня приветствие.

– Доброй памяти, Джайна Праудмур, – барон кинул взгляд на своих приятелей, затем вновь посмотрел на Джайну. Он никак не мог решить, радоваться или опасаться появления волшебницы. Джайна почувствовала, как Лесковар скользит глазами по ее телу – на это может осмелиться только юный барон. У него было грубое лицо, и, несмотря на богатые меха и шелка, в которые он был одет, тяжелый взгляд сводил на нет всю элегантность образа, который барон стремился создать.

Лесковар был человеком нерешительным, и его мысли колыхались так же, как и складки на его боках.

– Что привело вас в такую даль, когда ваши собственные земли страдают от пожаров?

Теперь Джайна заметила, что барон напился еще сильнее, чем она думала, и не обратила внимания на этот выпад.

– Как и вы, я прибыла отдать почести героям прошлого и узнать, как король планирует ответить на новые опасности, которые грозят нынче Альянсу.

Барон сделал неопределенный взмах рукой в сторону своих приятелей.

– Безусловно, новые опасности затронули всех нас – богачей и бедняков, купцов и крестьян. Как же мы дошли до жизни такой, волшебница? Кто виноват?

Джайна сохраняла непроницаемое лицо. Выдержав небольшую паузу, она заговорила:

– В последнее время предводитель Альянса столкнулся со многими трудностями. Да, были неверные решения, но мы вынесли и немало уроков. У нас были и великие победы.

Вперед протолкнулся пожилой, жилистый лорд и недоверчиво закачал седой головой.

– Мы устали. В войнах Альянса тратится наше золото и проливается наша кровь. Безответственные приключения и личная месть только снижают наши шансы на мир и процветание!

Джайна деликатно подняла руку, чтобы успокоить собеседников.

– Многие выражают подобные опасения. Например, говорят о слишком сильной агрессии по отношению к Орде. Я лично полагаю, что сейчас тяжело найти хороших союзников, особенно когда наши враги множатся с каждым днем.

Барон положил свою мясистую лапу Джайне на плечо, и от этого по телу волшебницы пошли мурашки.

– Эй, парни, похоже, у нас тут любительница орков. – Толпа вокруг рассмеялась, и сильно пахнуло медовухой. Барон близко, даже слишком близко приблизился к Джайне и ухмыльнулся, обдавая ее горячим дыханием. – Или вам больше по вкусу таурены?

Джайна изящно выскользнула из хватки барона и придала своему лицу сочувственное выражение. Альянс не может себе позволить еще один раскол. Азерот недавно дал трещину, и мир сейчас буквально распадается на части.

Джайна попыталась улыбнуться, и барон улыбнулся в ответ, но это лишь подчеркнуло его свиноподобные черты. Лесковар подмигнул волшебнице:

– Я знаю, что вы с королем близки. Мы просим вас урезонить его. Заставьте короля Ринна прислушаться к своей знати. Убедите его заключить мир, где это возможно. И пусть разберется с этим проклятым драконом, пока остались хоть какие-то города, с которыми можно поддерживать торговлю!

– Я понимаю вас и разделяю ваши тревоги.

– Так выполняйте свой долг и используйте свое влияние. Бездумная война никому не идет на пользу. Сейчас король планирует...

– Планирует что? – раздался глубокий голос позади барона. Вариан выходил из дверей, и все обернулись, чтобы посмотреть на короля. Гомон утих, пока Вариан подходил к беседующим. – Прошу вас, барон Лесковар, просветите нас. Так чем же грозят нам мои планы? – Глаза Вариана сверкали, словно молнии, прожигая барона насквозь. Лесковар непроизвольно отступил.

– Прошу прощения, Ваше Величество, – поклонился барон. – Мы всего лишь оживленно беседовали с многоуважаемой правительницей Терамора.

Вариан остановился, только когда вплотную подошел к Лесковару. Приблизив к нему лицо, король тихо заговорил, но его рык разносился по всей площади.

– Пока ты был еще змеенышем в вонючей норе Лесковаров, я уже вел армии Штурмграда навстречу триумфу. – Вариан бросил яростный взгляд на толпу, и никто не посмел встретиться с ним глазами. – Я вел наш народ по морю, к холодным пикам Нордскола, в нечестивые катакомбы Подгорода, и мы одерживали победу за победой, и все же многие так и не избавились от сомнений.

Почетные гости заерзали, но никто не осмелился сказать хоть слово. Джайна разозлилась на себя. *Так ты усмирила Волка.*

Вариан оглядел лица присутствующих.

– Так зачем вы пришли? Тратить мое время? Требовать, чтобы я выслушал ваши никчемные жалобы на то, как я стараюсь защитить этот мир? Защитить *вас?!*

В ответ была тишина.

В глазах короля загорелся огонь Призрачного Волка – янтарный жар отваги, с которой он отгонял ночные тени.

– Или вы пришли посмотреть на самого Ло'Гоша? Приглядеться к тому, кто развязывает войны с не меньшим удовольствием, чем его враги?

Люди начали осторожно продвигаться к выходу, но Вариан еще не закончил.

– Кое-кто говорит, что я ничем не отличаюсь от тех, с кем мы сражаемся! Что я чудовище! Но я нужен вам таким! Мне хватит ярости победить страх в пучине тьмы! Мне хватит смелости сделать все, что нужно, чтобы спасти человечество от забвения!

Закончив свою резкую речь, Вариан оглядел тронный зал и заметил смотрящего на него Андуйна. Он прибыл, пока король говорил. На лице юного принца был ужас, и Вариан понял, что с того момента, как они расстались после ссоры, ничего не изменилось.

В глазах Андуина отражались страх и замешательство. Сердце Вариана оборвалось. *Когда я стал своему сыну чужим?* Он попытался смягчить взгляд, но лицо его по-прежнему полыхало от ярости. Андуин медленно попятился, затем развернулся и выбежал из зала. В это мгновение гнев покинул душу Вариана, словно вода вытекла из дырявой бочки, оставив лишь пустоту. Вариан сел на трон и усталым жестом приказал всем покинуть зал.

Потрясенная публика медленно выходила. Души людей были наполнены страхом – страхом перед собственным будущим и правителем. Остались только Джайна и архиепископ. Они с опаской смотрели на короля. Вариан непроизвольно засунул руку в карман и дотронулся до серебряного медальона. Его прохладная поверхность успокаивала бурлящую от ярости кровь. Вариан знал, что никто не понял, что он должен делать, кем он должен быть. Никто не понял, да никто и не поймет.

Вариан мерил шагами зал, словно зверь в клетке. Джайна и Бенедикт молча наблюдали за ним. Король без конца вертел в руках медальон, цепочка от которого позвякивала с такой же яростью, какая мучила Вариана. Джайна и Бенедикт стояли неподалеку, безуспешно пытаясь утихомирить бурю.

– Когда-нибудь принц все поймет, Ваше Величество, – заговорил Бенедикт.
– У него светлая душа. – Архиепископ обернулся к Джайне в поисках поддержки, но едва она успела открыть рот, как Вариан разразился еще одной речью:

– Нельзя было его отпускать! Долг Андуина – быть среди своего народа, а не с дренеями.

– Но он еще так юн, – возразила Джайна. – Андуин все еще ищет свое место в жизни. Он ищет себя.

Вариан остановился и пристально посмотрел на волшебницу:

– Он тот, кто он есть, Джайна, – наследник штормградского трона, но едва ли его можно назвать мужчиной! В его возрасте я уже владел мечом и был готов

сражаться с врагами Альянса!

Джайна содрогнулась:

– Неужели единственным признаком мужественности является возраст, в котором мальчик готов совершить убийство? – Правительница Терамора метнула на Вариана яростный взгляд. – Неужели ты не видишь, что Андуин выбрал иной путь?

Вариан помолчал, раздумывая над ее словами.

– Я... смирился с выбором сына, но, боюсь, ему все еще не хватает силы, необходимой правителю. Сейчас опасные времена, как вы и заметили, архиепископ.

– Верно, мир балансирует на грани, – архиепископ старался аккуратно подбирать слова. – Но Свет указывает каждому из нас свой путь, и кто знает, какова его цель.

– Довольно проповедей, Бенедикт! Мир не так всепрощающ, как церковь. Быть королем опасно. Один неверный шаг – и умрут люди!

Бенедикт шагнул вперед и положил руку на плечо короля.

– Я знаю, в день памяти вы, более чем кто-то еще, чувствуете свою ответственность за многое, особенно за то, что мы потеряли, – Бенедикт осторожно продолжил. – Что потеряли *вы*.

Король вновь взял в руки серебряный медальон, растерявшись в вихре мыслей и тревог.

– Если Андуин не готов, если он слаб, это приведет к... – Вариан похолодел и постарался отбросить страшную мысль.

Джайна метнулась к королю, чтобы рассеять ужас.

– У Андуина есть другая сила, которую он может использовать на благо мира, Вариан. Он не случайно решил стать жрецом. Он целитель. Он выбрал путь Света.

Он кивнул:

– Ты права, Джайна. Андуин никогда не был на меня похож, – вздохнул
Вариан и тяжело опустился на трон.

– Как вы сказали раньше, мой король, – начал Бенедикт, – времена изменились. Мы должны измениться соответственно. Подходит к концу эпоха, когда лишь сердце, как у Лотара, могло помочь выжить. Сейчас миру нужно другое.

Вариан посмотрел на архиепископа, пытаясь справиться с неуверенностью, нахлынувшей на него. Сами основы Азерота недавно пошатнулись. Столько всего оказалось потерянным. Столько всего исчезло навсегда. Сейчас его когда-то твердые убеждения стали такими незначительными. Бенедикт и Джайна было ушли, но архиепископ обратился к королю с последней просьбой.

– Говоря об обновлении, Ваше Величество, позвольте преподнести вам дар в честь Дня памяти. Это подарок для вас обоих, вас и принца.

Вариан вздохнул:

– Боюсь, сегодня только я смогу принять вашу щедрость, отец. Мой сын ясно дал понять, что он не хочет быть со мною рядом.

Бенедикт улыбнулся:

– Пусть ваше сердце не тревожится. Свет сможет рассеять даже самую непроглядную тьму. Не могли бы вы встретиться со мной сегодня? Я убежден, что наша беседа исцелит вашу боль.

Вариан вовсе не был так уверен в этом.

– Когда и где, отец? Вы знаете, у меня сегодня напряженный день.

Архиепископ наклонился к королю и ответил ему шепотом. Услышав место встречи, Вариан окаменел, но через секунду неохотно кивнул в знак согласия.

Джайна и архиепископ повернули к выходу из зала, но теперь у Вариана был

вопрос к Бенедикту.

– Скажите, архиепископ, из Андуина получится хороший король?

Архиепископ обернулся и важно кивнул.

– Без всяких сомнений, сир, если он справится с испытаниями, которые предлагает ему время. Такие дни, полные отчаяния, обычно выжигают все несовершенства, оставляя лишь сердца крепче стали. Все короли династии Риннов всегда проявляли мужество, Ваше Величество. – Архиепископ поклонился и вышел вместе с Джайной. Вариан остался в тронном зале наедине с одиночеством – бременем, которое слишком хорошо было знакомо королю.

Когда Вариан пришел на кладбище, солнце уже начало медленно клониться к закату, согревая теплыми лучами башни собора и могильные камни.

На Вариана нахлынула грусть, когда он проходил мимо памятников. О, эту тропу он очень хорошо знал. По ней он ходил уже много раз во время Дней памяти. Сладкий запах свежесрезанных лилий щекотал его ноздри, вызывая в памяти чудесный аромат, исходивший от его жены Тиффин, ее веселый смех, ее нежную улыбку.

Вариан подошел к каменным львам, охранявшим могилу его жены. Он двигался, словно во сне, поглощенный давно забытыми воспоминаниями. Золотистые лучи отражались от бронзовой табличке на камне. Вариан прочел последнюю строку: *«...без тебя все краски мира тускнеют...»*. Король вдруг осознал горькую правду. *Только ты и Андуин освещали мою жизнь, Тиффин.*

Он услышал позади себя шаги и, обернувшись, с удивлением увидел Бенедикта и своего сына. Радость от встречи омрачилась, когда Вариан заметил, что принц был неприятно поражен и сердито посмотрел на архиепископа.

Вариан отметил, что Андуин очень вырос с их последней встречи. Или это была лишь игра света? Принц в замешательстве поправил лук и колчан, жестко поглядывая на жреца.

– Когда вы попросили меня сопровождать вас, архиепископ, вы забыли упомянуть, что к нам присоединится мой отец.

Бенедикт улыбнулся юноше.

– Иногда, мой дорогой принц, приходится хранить секреты, чтобы исцелить мир.

Вариан почувствовал, что ему хочется вести себя как отец: сделать замечание сыну, чтобы тот прекратил дерзить и наконец повзрослел. Он хотел приказать Андуину остаться в Штурмграде и приступить к выполнению обязанностей принца и наследника. Но он знал, что, как и раньше, это не приведет ни к чему хорошему. Чем строже он относился к сыну, тем больше сын отдалялся от него.

– Значит, архиепископ, вы так решили отметить День памяти? – Вариан старался говорить мягко. – Устроить сюрприз и воссоединить семью? – И Вариан непроизвольно взглянул на могилу Тиффин.

Архиепископ посмотрел на обоих: казалось, он был доволен.

– Отчасти так. Но есть и еще кое-что. Помните, какое задание вы мне дали, когда нашей дорогой королевы не стало?

Вариан помнил. С тех прошло столько времени. Столько всего случилось после смерти его жены. Столько всего изменилось. И он сильно изменился. *Любила бы Тиффин его теперешнего?*

Бенедикт протянул Вариану блестящий серебряный ключ. Вариан был поражен весом вещицы. Андуин сразу узнал, что это такое:

– Это же ключ от маминого медальона.

Вариан молчал. Он никак не мог подобрать слова.

– Вы нашли его! Но как?

– Да, сир. Как вы и приказали. Я приношу свои извинения за то, что поиски заняли у меня столько времени, но мне подумалось, что сегодняшний день ничем не хуже других для воспоминаний, – Бенедикт погладил принца по голове.

У Вариана потеплело на душе.

– Благодарю вас, Бенедикт. Вы хороший человек. Даже не представляю, что бы я без вас делал.

Архиепископ склонил голову:

– Позвольте мне удалиться, Ваше Величество. – Бенедикт повернулся к выходу и на прощание взмахнул рукой: – Да пребудет с вами обоими мир! – С этими словами архиепископ скрылся в роще.

Вариан все крутил в руках ключ, думая о странных прощальных словах архиепископа. Наконец он заметил, что за ним наблюдает Андуин. Сейчас все те жестокие слова, что он хотел сказать ему раньше, не имели смысла. Он понял, что имеет значение только одно: Андуин важнее всего на свете. Это было так очевидно.

Принц отвернулся к могиле матери, поглощенный собственными думами. Вариан решил нарушить молчание.

– Я рад тебя видеть, сын. Мне кажется, ты вырос на целую голову с тех пор... – Вариан осекся. – Полагаю, дренайская еда пошла тебе на пользу?

– Учитель Велен говорит, что я расту во всех направлениях, – ответил Андуин, не отводя глаз с могилы матери. – Велен постоянно мне напоминает, что важно каждый день расти во всех направлениях.

Вариан кивнул:

– Мудрый и достойный совет. Особенно для короля... или будущего короля.

Андуин вздрогнул и посмотрел на отца. Его небесно-голубые глаза блестели.

– Отец, мир умирает?

Этот вопрос, простой и важный, застал Вариана врасплох. Король вспомнил все столь невинные и в то же время глубокие «почему» маленького Андуина. Даже тогда мудрость мальчика не вызывала сомнений.

Вариан осторожно ответил:

– Я не философ и редко задумываюсь о таких вещах, но я знаю, что мир цикличен и в этом подобен году. Всему свое время, и все приходит и уходит, следуя кругу обновления.

Вариан подумал, как лучше объяснить свои слова, и достал меч.

– Так и с оружием, сынок: лезвие должно постоянно обновляться, чтобы оставаться острым.

– Так говорит и Велен. Он говорит, что рождение и смерть – часть звездного колеса. А его народ, как никто другой, видел долгий ход времени.

– Тогда Велен должен знать, что короли и королевства рождаются и умирают, но вечными остаются правда, честь и долг.

– И любовь, – проговорил Андуин, едва глядя на отца.

Король тоже об этом подумал и согласился:

– Да, и любовь тоже.

Андуин продолжил:

– Я думаю, что любовь живет дольше всего.

Внезапно Вариан понял, что нужно сделать. Он сжал в руке серебряный медальон и заговорил раньше, чем осознал это:

– Я все эти годы хранил медальон твоей матери, чтобы помнить о своих

королевских обязанностях. Чтобы помнить, что у всех действий есть последствия, что правитель должен нести ответственность за свой выбор, будь он плохим или хорошим, потому что народ рассчитывает на своего короля.

Вариан достал медальон.

– Я хочу, чтобы ты... – и остановил себя на полуслове. – Я хочу сказать, что, возможно, ты пожелаешь сам носить этот медальон. – Если, конечно, ты хочешь.

Андуин кивнул, и Вариан медленно подошел к сыну и надел на него медальон. Принц потер надпись на медальоне точно так же, как Вариан тер ее долгие годы.

Король передал ключ своему сыну и замер. Казалось, даже ветерок над кладбищем затих, словно чувствовал важность этого момента. Вариану показалось, что на него снизошло озарение, что этот медальон – символ взросления, который поможет его сыну в будущем. – Он теперь твой, – произнес король. – Откроешь его сам, когда будешь готов.

Андуин на мгновение задумался и положил ключ в карман. Он найдет время, чтобы примириться с прошлым на своих условиях.

– Она любила этот медальон, Андуин, – сказал Вариан. – Она любила красоту, любила народ Штормграда... Но больше всего на свете она любила тебя.

Глаза принца блеснули в лучах закатного солнца. Вариан внимательно посмотрел на сына и увидел то, что не замечал раньше. – Я был немного... слеп... и не заметил, каким человеком ты стал.

И тут юноша расплакался. Сквозь слезы он проговорил те слова, которые всегда хотел сказать отцу:

– Я так хочу быть больше похожим на тебя. Я *очень* хочу стать великим королем. Но я... я не так силен, – он зло вытер слезы, словно они были

признаком слабости.

Вариан обнял сына:

– Нет, Андуин. Ты мужественней меня, и твоя отвага кроется в глубине твоего сердца. Помнишь, что часто говорил твой дядя Магни? У силы множество форм.

Последнюю фразу они оба повторили одновременно:

– Больших и малых!

Андуин улыбнулся: это воспоминание согрело его душу. А Вариан продолжил:

– Я стою твердо во время шторма, но ты чувствуешь ветер – ты гнешься под порывами и подчиняешь ветер себе, а потому тебя не сломить.

Вариан повернулся к памятнику Тиффин.

– Твоя мать обладала теми же качествами. Она в совершенстве овладела искусством мягкого убеждения, и ее любовь была движущей силой этого мира.

Принц посмотрел на место последнего упокоения матери и попытался сдержать вновь навернувшиеся слезы. Вариан говорил, не думая, не как король Штормграда с наследником трона, но как отец с сыном.

– Хорошо, что ты можешь оплакивать мать, Андуин. Мне никогда не хватало на это... мужества. – Несколько минут они смотрели на могилу Тиффин, чья любовь к ним обоим объединяла их даже больше, чем кровь.

– Я скучаю по маме, – наконец произнес Андуин. – Я знаю, что был совсем маленьким, но я до сих пор ее чувствую.

– Именно поэтому ты будешь величайшим королем династии Риннов, – Вариан хлопал сына по спине. Ему так хотелось, чтобы этот момент длился вечно. Но он знал, что это невозможно. Вариан поднял голову и осмотрелся. – Где, по-твоему, прячется засада?

Андуин вытер слезы.

– За нами уже какое-то время наблюдают. Как ты думаешь, кто?

Вариан поразмыслил:

– Похоже, это убийцы. Вероятно, они решили воспользоваться ситуацией: люди из-за праздника потеряли бдительность. К тому же оба правителя Штурмграда появятся вместе на публике. – Так каков твой план?

Андуин постарался незаметно осмотреться.

– На нас нападут с востока, стараясь перекрыть нам путь к главному входу. Нас попытаются одолеть грубой силой безо всяких уловок. Если мы станем спиной к западной стене, мы будем сражаться на более-менее равных условиях.

Вариан не смог скрыть улыбку.

– Прекрасный план. Так ты не пропустил мимо ушей то, что я тебе рассказывал на наших скучных уроках.

– Я получил от тебя больше знаний, чем ты думаешь, отец.

Вариан кивнул, и принц улыбнулся в ответ. Между ними возникла связь, которая не нуждалась в словесном выражении.

Вдруг тишину нарушил рев фейерверков. На Аллее Героев запускали волшебные ракеты. Они взлетали высоко в воздух и превращались в ночном небе в многоцветные узоры. Началась заключительная церемония Дня памяти.

Но фейерверк был и сигналом для начала атаки. Словно из-под земли выскочило несколько человек, чей вид не предвещал ничего хорошего. Каждый был вооружен уродливыми кинжалами, и по их угрюмым лицам было ясно, что они настроились на убийство.

Вариан посмотрел на сына, почти наслаждаясь моментом. – Похоже, я опоздаю на собственное выступление.

Убийцы наступали на короля и принца. Вариан насчитал с десяток нападавших. «Ерунда», – подумал Вариан, но тут Андуин показал на еще одного человека, который только что появился из-за дерева. Он был очень могущественным колдуном. Его фиолетовое одеяние светилось от наложенных на него защитных заклинаний, а вокруг его искореженного посоха вращались энергетические руны.

– Не нравится мне его взгляд, – сказал Вариан, вынимая из ножен меч. Андуин согласился с отцом и достал свой лук, а затем вложил в тетиву стрелу.

Пока они оценивали ситуацию, колдун взмахнул посохом и произнес заклинание призыва, очертя мерцающий овал в воздухе.

Снова в воздухе взорвались ракеты, и нападающие ринулись на короля и принца. Грохот фейерверков заглушил боевые крики убийц и звон стали. От ударов посыпались искры, брызнула кровь, а над Озером Штормграда разнесся гордый клич отца и сына: – За Альянс!

Вокруг статуй на мосту Аллеи Героев толпились люди. Они радостными криками приветствовали каждый залп волшебного фейерверка, эхо от которого отражалось от стен крепости и тонуло в воде.

Портные, кузнецы, повара, торговцы и солдаты стояли плечом к плечу. Толпа тянулась вплоть до Златоземья и терялась вдалеке. Все радовались празднику и с удовольствием смотрели представление.

Но на сцене почетная делегация не разделяла общего веселья. После фейерверка должен был говорить речь король Ринн, а его никто не мог найти! Джайна и Матиас Шоу обеспокоенно переглядывались, пока на трибуне фельдмаршал Афрасиаби махал толпе. Ему принадлежала большая честь объявить сегодня речь короля. Но фейерверк подходил к концу, а короля Штурмграда так и не было. Все шло не по плану, а Афрасиаби терпеть этого не мог.

Фельдмаршал обернулся и прорычал:

– Проклятье, да где же он? – Люди на сцене пожали плечами, а Афрасиаби улыбнулся толпе, затем подошел к делегатам и министрам. Делегаты и сами были в

замешательстве, споря о каждом предположении. Кое-кто из лордов предложил продолжить церемонию хоть с королем, хоть без короля. Другие настаивали, что необходимо дождаться правителя, сколь бы долго ни пришлось ждать.

У генерала Джонатана, прирожденного тактика, был план, который бы устроил всех.

– Фельдмаршал, я предлагаю вам отвлечь зрителей. Скажите что-нибудь или покажите. Пусть все остаются на месте, а мы пока поищем короля. – Джайна и Матиас кивнули в знак согласия.

Фельдмаршалу новая стратегия совсем не понравилась.

– Генерал, я командую королевской армией. Я вам не цирковой клоун! – Афрасиаби метнул на делегатов хмурый взгляд, но прочитал на их лицах лишь отчаяние и мольбу взять ситуацию в свои руки.

– Но я совершенно не готов! – запротестовал генерал.

– Просто импровизируйте. Отвлеките их. Развлекайте толпу, – хором начали советовать делегаты.

Зрители нетерпеливо зашумели, и Афрасиаби со вздохом сдался. Он обернулся к толпе, бормоча проклятия:

– Гном бы побрал эти народные гулянья...

Вымученная улыбка главнокомандующего засияла ярче орденов на его мундире, и он начал говорить на одну из своих самых любимых тем: захватывающие истории прошлого с малоизвестными подробностями и тактика осады с применением паровых машин.

Вариан Ринн двигался подобно воздушному элементалю, прыгая и нанося удары во все стороны одновременно, отчаянно стараясь защитить сына любой ценой. То он бросался налево, нанося широкие удары, чтобы отогнать атакующих, то мчался наперерез другой группе бандитов, теснящих Андуина. Его меч Шаламейн разил врагов одного за другим.

Отец и сын старались находиться спиной к стене, чтобы отбить нападение, но, несмотря на все усилия, они не могли прорваться к волшебнику. Маг держался позади и явно что-то призывал в Штурмград: с каждой минутой портал становился все более отчетливым.

Вариан отразил удар топора, затем обезоружил и обезручил его владельца одним могучим ударом. Он прыгнул вперед, пытаясь получить преимущество, но при каждом таком маневре нападавшие пользовались страхом Вариана за сына и сосредотачивали свои атаки на юноше. Король понял, что убийцы всего лишь отвлекали его внимание от портала, через который должно прийти что-то

невообразимо ужасное.

Вариан краем глаза посмотрел на сына и наполнился гордостью. Принц храбро отбивался, выпуская одну стрелу за другой. Многие убийцы даже не пытались уклониться от оперенных острий, но все же пали только трое. Черная магия работала отлично.

Андуин ловко увернулся от брошенного кинжала и подобрался ближе к Вариану.

– Отец, они защищены! Берегись!

Вариан повернулся к сыну:

– Будь рядом. Мы должны добраться до колдуна раньше, чем он закончит свое заклинание!

Он кивнул:

– В защиту могут играть двое! – и поднял руки. Он прошептал молитву и вслух произнес слово силы: «Щит». Оно прогремело в небе, словно раскат грома.

Вариан почувствовал, что волосы у него на затылке встали дыбом – его окружил энергетический щит. Вариан хищно улыбнулся, а затем оказался лицом к лицу с незадачливыми разбойниками, которые оказались не в том месте и не в то время.

– Посмотрим, защищены ли они и от этого, – прорычал король. Он сделал гигантский прыжок вперед и со всей силы обрушил свой меч на убийцу, застав его врасплох. Синяя молния разрежала воздух, и тело разбойника развалилось на две части, но еще до того как безжизненное тело рухнуло на землю, Ло'Гош уже сражался с другим нападавшим и прикончил его так же быстро. Андуин прикрывал отца с флангов, стреляя из лука.

Король и его наследник двигались как один, разя мечом и пронзая стрелой.

Они буквально прорезали себе путь через бандитов, защищавших отчаявшегося колдуна. Они были прекрасной командой: Вариан использовал грубую силу, а Андуин обрушивал град острых, как бритва, стрел туда, где они наносили наибольший урон.

Черный маг быстро понял, что шансы на успех сокращались, и удвоил усилия, направив еще больше энергии в центр мерцающего фиолетовым портала. И в этот самый момент внутри светящегося вихря начало обретать формы нечто огромное и страшное.

– Его нет в крепости. Я везде проверил, – сообщил генерал Джонатан, переводя дыхание.

Джайна посмотрела на Матиаса и нахмурилась.

– Это на него не похоже. Где же он? И где принц?

Услышав эти слова, генерал еще больше встревожился.

– Не могут найти ни короля, ни принца? Это же катастрофа!

Шоу покачал головой.

– Расширим поиск, генерал. Я мобилизую ШРУ.

– Я проверю порт, – и Джайна исчезла во вспышке белого света.

Джонатан нахмурился и приготовился уйти.

– И, генерал, – сказал Шоу, взяв Джонатана за локоть и посмотрев в его обеспокоенные глаза, – будьте готовы объявить тревогу. У меня дурное предчувствие.

Король превратился в свирепого волка, сражаясь с каждым на своем пути, а то и с двумя-тремя разбойниками одновременно. В его глазах светилась кровожадность, и он медленно пробивался к колдуну. После бури атак перед Варианом остались стоять только трое.

Андуин четкими движениями посылал стрелы прямо в цель. Один из оставшихся убийц вдруг упал замертво под градом стрел. Андуин удивился. Видимо, защитное заклинание ослабло, поскольку все свои силы маг направил на портал и перестал заботиться о своих помощниках. Последние двое убийц в бессилии посмотрели на волшебника, а Вариан наконец смог до него добраться.

Не глядя по сторонам, он прыгнул навстречу бандитам, скрестил с ними оружие и в ярости отбросил обоих назад. Его внезапный рывок застал их врасплох всего на мгновение, но Вариану этого было достаточно.

Словно из самых глубин Водоворота, Вариан издал боевой клич и обрушил вихрь смертоносных лезвий на разбойников, пробивая их броню. Король обезглавил обоих одновременно. На упавших головах так и застыло удивленное выражение.

Вариан остановился, тяжело дыша. Колдун стоял всего в нескольких шагах от него. Желтозубый рот мага растянулся в ухмылке:

– Слишком поздно! Ваша смерть уже...

Но колдун не успел закончить. Вариан сделал еще один рывок и пронзил его одновременно со смертоносной стрелой, выпущенной Андуином из-за плеча отца. К их удивлению, маг даже не пытался защититься. Его волновал только портал. Он завершил заклинание призыва ценой своей жизни, отдав ему последние силы, когда стрела пробила его шею, а меч вошел в грудь.

Падая наземь, колдун продолжал самодовольно ухмыляться. Он успел произнести последние слова заклинания, и портал теперь пульсировал энергией, обрамляя темный, грузный силуэт существа, которое из него выходило.

– Назад, Андуин! – закричал Вариан.

Вспыхнул яркий свет, и существо ступило на землю Штормграда. Андуин вскрикнул от ужаса, увидев, как его отец принял защитную стойку. Перед ними стоял драконид, огромное которого они в жизни не видели. Колоссальных размеров полудракон-получеловек был облачен в фиолетовую броню с отличительными знаками культа Сумеречного молота. Доспехи светились защитными рунами.

Драконид достал из-за спины громадные топоры и издал рев, от которого закачались деревья, а по спине Андуина побежали мурашки. Вариан встал между монстром и сыном и кинул через плечо: – Оставайся позади меня, Андуин, что бы ни случилось. Ты понял? Стой сзади. Это создание... это существо... это что-то, что мы не знаем.

У принца даже не было времени кивнуть в знак согласия. Драконид ринулся на юношу.

– Итак, настало время гномреганской паровой трансмиссии, – продолжал фельдмаршал, поглядывая назад в надежде увидеть короля. – И да, с помощью удивительной соединительной технологии, базирующейся на шестеренках, под воздействием пара осадное орудие стало выстреливать снаряды еще дальше. Теперь они достигали самых вершин Ледяной Короны.

Фельдмаршал Афрасиаби сделал паузу, чтобы толпа могла показать свое удивление. Толпа и показала – гробовым молчанием. В этой тишине все смогли услышать, как кто-то позади обронил аксессуар. Фельдмаршал вернулся к делегации и пожал плечами в знак поражения.

Городская знать была вне себя. Кто-то выкрикнул:

– Сделайте же что-нибудь! Это катастрофа! Где король?

Все делегаты разом заговорили. Какое-то время они шептались и спорили между собой, но наконец договорились. Они обратились к Бенедикту: – Мы решили,

что в отсутствие короля речь должен произнести архиепископ.

Бенедикт замахал рукой:

– Нет, ну что вы. Ваше предложение мне льстит, но это не мое место.

Давайте все-таки дождемся короля.

Толпа загудела. Фельдмаршал Афрасиаби покинул трибуну и сел на свое место в расстроенных чувствах:

– Как же так... Я завоевываю земли, но не сердца!

Зрители озабоченно зашумели. Они почувствовали что-то не то. То там, то тут слышались отдельные недовольные крики, и через несколько минут хор голосов усилился.

– Мы теряем их внимание, отец. Сделайте что-нибудь! – взмолился один из лордов. – Пожалуйста! Они любят вас.

Бенедикт посмотрел на делегацию и смирился:

– Хорошо. Я смиренно приму великую честь произнести несколько слов в честь сегодняшнего дня.

Толпа с удовлетворением поприветствовала архиепископа Бенедикта, занявшего место на трибуне. Его присутствие успокоило толпу и заполнило пустоту над аллеей. Зрители ждали, когда их духовный лидер начнет говорить. Архиепископ выждал паузу и воздел руки. Толпа восторженно зашумела, и Бенедикт начал свою речь.

Из свежих ран текла кровь, а Вариан отступал назад под мощным натиском топора драконида. Массивный монстр махал перед собой вторым топором, оттесняя Вариана, который едва успевал парировать сокрушительные удары. Вариан увидел небольшую щель в доспехах и, поднырнув под брюхо драконида, нанес умелый удар по его броне, но лезвие лишь отскочило, выбив из металла сноп искр. Драконид посмотрел на него сверху вниз и утробно захохотал, затем начал ходить кругами вокруг изможденного воина, играя с ним.

Андуин выпустил во врага последние стрелы, но для него они были не более чем колючки для гнолла. Вариан продолжал уворачиваться от громилы, пытаясь отвлечь его от сына и принимая на себя град ударов. Андуин лишь мог в страхе наблюдать за тем, как его отец тщетно старался отразить выпады монстра, который был несоизмеримо сильнее.

Внезапно драконид завертелся, двигаясь со скоростью, не свойственной его размеру. Вариану удалось парировать удары топоров, но шип на конце хвоста

монстра полоснул короля прямо по груди, опрокинув его на землю. Вариан тяжело упал, прокатился несколько метров и замер.

Андуин в шоке посмотрел на недвижимое тело отца. Казалось, что все это – ночной кошмар, от которого он никак не может проснуться.

– Отец, – позвал Андуин, но король, покрытый кровью и пылью, не пошевелился.

Принц сделал несколько шагов по направлению к нему, но почувствовал, как задрожала земля. Он поднял взгляд и увидел, как драконид несется на него, словно разъяренный бык, массивный и безжалостный. Один из его топоров просвистел в воздухе и порезал переносицу принца.

Андуин упал навзничь, выставив вперед лук, но пользы от него было как от пера против урагана. Топор дракониды сломал оружие юноши и выбил его из рук.

Андуин очутился лицом в грязи. Его руки и грудь онемели от удара. Он попытался встать, но тело отказывалось ему повиноваться. Он смог лишь откатиться, но это спасло ему жизнь. В ту же секунду второй топор обрушился прямо на то место, где мгновение назад была голова принца. От удара в воздухе возник вихрь из грязи и осколков камней, которые ранили глаза Андуина.

У принца перехватило дыхание, и он замер в замешательстве. Андуин посмотрел на неподвижное тело отца, а затем – на колоссального дракониды, пытаясь побороть страх и вести себя гордо, как и подобает принцу Штурмграда. Как и его отец. Он поглядел монстру прямо в его холодные синие глаза и с удивлением почувствовал, как его обволакивает спокойствие.

Полудракон поднял свои топоры и презрительно ухмыльнулся. С его искривленных зубов закапала слюна. Андуин произнес короткую молитву. Скоро все будет кончено. Топоры с яростным звуком просвистели в воздухе...

Внезапно на драконида налетел сине-золотой вихрь. Пошатываясь и истекая кровью, отец Андуина вытянул меч и остановил удар. В воздухе вспыхнула белым светом сталь. С отвратительным металлическим скрежетом топор драконида и меч Вариана упали на землю... Но чудовище успело нанести удар вторым топором.

Вариан почувствовал, как обжигающий металл разрезал его доспехи и проник глубже, прямо в грудь. Мощный удар сломил короля, но он не выпускал Андуина из поля зрения, чтобы убедиться, что его сын невредим.

Их глаза встретились, и взгляд Вариана смягчился, потому что его сын не был ранен. По мере того как пыль оседала, глаза Андуина все больше расширялись от ужаса.

Вариан распластался на земле, а в его груди торчал топор драконида. Это мгновение, казалось, длилось целую вечность. Андуин закричал от боли, которая сжала его сердце. Вариан пристально посмотрел сыну в глаза и дал понять, что все было в порядке. *Такова судьба всех королей нашей династии...*

Драконида стоял над Варианом и хохотал. Поверженный король закашлялся и взглядом попросил сына о последней услуге.

– Беги, – прошептал Вариан. Темнота уже медленно заволакивала его глаза. *Я последним заплачу эту цену.* Монстр победно ухмыльнулся и вытащил топор из груди Вариана. Он ничего не почувствовал. Не было ни боли, ни грусти. Вариан знал, что он умер, как жил. Чудовище подняло над головой влажное лезвие. Его зазубренная, окровавленная поверхность блеснула в лучах заходящего солнца. *Тут так спокойно, Тиффин...*

Вариан чувствовал, как мир отдаляется от него... Но кто-то стоял рядом с ним на коленях, читая молитву и ограждая его от драконида. Король медленно пришел в сознание и понял, что его сын, принц Андуин, воздел руки к небу,

выкрикивая молитвы, призванные защитить Вариана и отогнать драконида. Андуин выпрямился, и между его поднятыми руками вдруг возник столп золотистого света – эта святая энергия заставила монстра отступить под натиском принца, сильного и отважного. *Как настоящий король!*

Когда Андуин прокричал магическое слово «Преграда», кладбище, казалось, замерцало вокруг короля и принца. Драконида не понимал, что происходит. Он пытался ударить топором принца, но мощное оружие лишь отскакивало от божественного щита. Вариан с удивлением смотрел, как защищается его сын. Драконида ходил кругами, готовясь напасть, а единственным оружием принца была вера! Вариан попытался дотянуться до меча, но он был слишком далеко. Он снова упал, вскрикнув от боли. Он едва мог дышать, не то что двигаться.

Андуин стоял, как скала, мужественный, решительный, даже видя, как дракон готовится нанести последний удар. Вариан перекатился, преодолевая боль, и попробовал встать. Он должен был что-то предпринять. Вдруг он нащупал тяжелый осколок брони черного дракона, который он еще утром заткнул за пояс. Король с трудом вытащил зазубренный кусок обсидиана.

Когда драконида ринулся в атаку, юноша непоколебимо стоял в окружении света небес. Он поднял ладони к небу и прочел заклинание, рассеивающее магию. С каждым словом земля начинала источать энергию, сотрясая могильные камни и посылая рябь на поверхность озера. Огненный шар попал прямо в несущегося вперед драконида.

Пламя ослепило зверя, и он, спотыкаясь, пошел на ясный силуэт Андуина. Чудовище рычало от боли и ярости. Когда драконида упал, его доспехи потеряли защиту темной магии и посерели.

Это был последний шанс. Вариан собрал все свои силы и бросился на

монстра, зажав в руке обломок брони Смертокрыла.

Удар от столкновения по мощи был похож на лавину. Драконида обрушился на Вариана всем весом своего тела, и бритвенно-острый обломок элементиевых доспехов пробил броню и грудину чудища. Где-то из глубины сознания Вариан услышал крик – то ли боевой, то ли предсмертный. Он сам не знал, кто из них двоих кричал. Затем на него навалилась блаженная темнота.

Но Вариан знал, что сын рядом. Он открыл глаза и увидел, что сын держит его в объятиях. Слезы юноши смешивались кровью, вытекавшей из ран короля.

На кладбище вбежали Джайна и Джонатан в сопровождении стражников. Генерал нахмурился и приказал своим людям осмотреть тела убийц, а Джайна опустилась на колени рядом с принцем и королем. Она осмотрела страшную рану Вариана и, глядя на Андуина, покачала головой.

Вариан смотрел на сына с теплотой и восхищением, которых он не испытывал раньше.

– Ты был прав, – лицо короля исказила гримаса боли. – Любовь живет вечно. – Андуин стер кровь и грязь с глаз отца, но Вариан едва почувствовал его прикосновение. Его тело цепенело, и мир, казалось, растворялся.

Кроваво-красный закат запылал на горизонте, окрашивая могильные камни в алый свет. Король закрыл глаза и предоставил Свету делать свое дело. Вокруг умирающего правителя собрался весь почетный караул Штурмграда. Дыхание Вариана стало слабее и замедлилось.

– Прости меня, отец, – проговорил Андуин сквозь слезы.

Вариан снова открыл глаза и попытался улыбнуться.

– Нет, это ты меня прости, сынок... Я не видел, кем ты стал... кем ты всегда был. Я так горжусь, что ты мой сын, – Вариан коснулся окровавленной

рукой щеки юноши. – Не оплакивай меня, Андуин. Такова была моя судьба. Но не допусти такой же судьбы для себя.

С этими словами рука Вариана бессильно упала. Андуин долго сидел рядом с телом отца. Принц закоченел и не замечал ничего вокруг. Джонатан подошел, чтобы помочь юноше встать. – Идемте, Андуин. Вам надо вернуться в крепость, там безопасно. Наследник должен хорошо охраняться.

Но Андуин не пошевелился и не услышал генерала. Он смотрел на тело отца и не мог поверить в случившееся.

– Давайте уйдем, – попросила Джайна. Но принц яростно оттолкнул обоих и вытер глаза.

– Нет! Не так все должно закончиться, – он тряс безжизненное тело. – Ты слышишь меня, отец? Принц не желал снова быть свидетелем смерти близкого человека! – У нас другая судьба! – прокричал Андуин небу, и, словно в знак сочувствия, облака частично расступились.

Остальные с трепетом смотрели, как принц закрыл глаза и начал читать молитву. Сначала его голос был тихим и мягким, но затем усилился, и молитва превратилась в прекрасное и мощное песнопение. Во время молитвы руки принца начали светиться. Сперва этот свет был почти незаметным, но разгорался все ярче, пока не затмил заходящее солнце. Казалось, что над кладбищем стоял полдень и ни один памятник не отбрасывал тени.

Песнь достигла кульминации. Юный принц поднял глаза к небу, и его голос достиг самых небес, обращаясь к глубинам мироздания с мольбой даровать ему божественную силу.

Внезапно поток света вспыхнул ярче тысячи солнц, и из пальцев Андуина потекли лучи, проникавшие в тело короля. Все вокруг засияло золотистым светом.

Стражи в потрясении сделали шаг назад и прикрыли глаза. Тело Вариана дрожало от пронзавших его тело лучей чистого света. В центре стоял Андуин, крепко прижимая к себе отца, а между ними плясал вихрь божественной красоты.

Затем, словно в противовес буйству света, принц начал тихо, нараспев начал читать молитву, положив руку на лоб Вариана.

Бенедикт был в своей стихии. Толпа одобрительно принимала каждое его слово. Когда-нибудь люди Штурмграда поймут, что этот день был неизбежен, что сегодня мир очистится благодаря нынешним событиям.

Архиепископ протянул руку к толпе, которая цеплялась за каждое его слово. – Сейчас, когда я стою перед вами, мы переживаем страшные дни. Мир пошатнулся до основания. Азерот проходит очищение божественным огнем, и мы еще долго будем помнить эти испытания. Они как горн, в котором куется новая эпоха!

Люди одобрительно шумели и сами не знали, почему. А Бенедикт про себя улыбался, прикрыв глаза от удовольствия. Внезапно толпа взорвалась приветственными криками. Бенедикт с удивлением открыл глаза. Толпа загудела еще громче, и архиепископ повернулся, чтобы посмотреть, в чем дело.

Хромая, на сцену поднялся взъерошенный, окровавленный король Вариан в сопровождении принца Андуина. Изможденные отец и сын опирались друг на друга.

Когда публика поняла, что случилось, все обеспокоенно зашептались, но Вариан поднял руку, и толпа притихла.

Потеряв дар речи, Бенедикт поклонился и уступил место на сцене королю Штормграда. Вариан проковылял к трибуне, и Андуин помог ослабшему отцу выпрямиться. Вариан в знак благодарности похлопал сына по плечу, и тот вернулся к Джайне и почетной делегации.

Вариан вдруг понял, что он так и не подготовил речь для Дня памяти. Король помолчал и улыбнулся, преодолевая боль. Он ясно понял, что нужно сейчас сказать. Он жестом показал на высокие статуи, обрамлявшие аллею.

– Услышьте меня, люди Штормграда! Ваш король стоит перед вами. Его сердце все еще бьется, и его сила растет с каждым днем при виде целеустремленности, с которой вы восстанавливаете свой мир после трагедии. Точно так же, как несут стражу эти статуи, Штормград будет охранять мир!

С первыми лучами рассвета толпа разразилась радостными возгласами. Такого врата величайшего города людей еще не слышали!

– Мы собрались сегодня, в День памяти, чтобы почтить героев, которые осветили нам путь своими жизнями и славными подвигами.

Толпа хлопала в ладоши.

– Утер Светоносный!

Публика неистовствовала.

– Андуин Лотар!

Овация заглушила все происходящее вокруг. Вариан терпеливо подождал, пока зрители успокоятся. Он испытывал невероятную гордость за свой народ и свою столицу. Вдруг его голос помрачнел.

– Но снова мы стоим перед лицом огромной опасности, – король показал на

разрушенные башни. – На нас – свежие шрамы, нанесенные зловещей силой. – Вариан заговорил громче, чтобы все могли его слышать. – Но людей так просто не сломить! Мы закрываем пролом и держим оборону! Мы никогда не станем рабами страха!

Зрители бешено аплодировали своему королю. Их поддерживала почетная делегация, забыв про жалобы и разногласия. Пока толпа кричала, Вариан смотрел на Джайну и Андуина, пытаясь справиться с эмоциями. Когда он снова заговорил, в его голосе послышались отеческие интонации, которых жители Штурмграда никогда раньше не слышали.

– В этот день мы должны вспоминать не только хорошее, но и плохое, потому что только через несчастья и неудачи мы становимся лучше! Я покидал свой трон... преследуя врагов до самой преисподней. Ваша безопасность – моя главная обязанность. Мое единственное призвание – охранять ваши жизни. Потому что истина не в том, чтобы люди служили своему королю, но в том, чтобы король служил своему народу!

Толпа вновь заволновалась. На сцену полетели розы, а изо всех уголков толпы послышались добрые пожелания королю. Король понял, что народ переживал за свой мир больше, чем он предполагал, и это тронуло его до глубины души.

– Я не всегда был идеальным правителем... или отцом... или мужем, – глаза Вариана затуманились от воспоминаний. Он повернулся и кивнул своему сыну.

– Один мудрец сказал, что мы должны расти каждый день во всех направлениях. Я чувствую, что мои кости могут еще вытянуться. А позади меня я вижу город, из руин которого поднимаются новые шпили и новая надежда!

Архитекторы и каменщики кричали громче всех. Вариан поднял руку в знак того, что он еще не закончил.

– Да, сегодня мы воздаем почести прошлому, но наш взгляд устремлен к светлому будущему! Это будущее мы построим сами для наших детей и внуков!

Чувство, которое возникло в зрителях при этих словах, родилось из любви и надежды. Вариан внимательно оглядел толпу и увидел, как много юных лиц обратили к нему свои глаза. Этим детям вскоре предстоит свои испытания, и именно они, по-своему, сделают этот мир лучше.

– У каждого поколения свой путь и свое предназначение. Каждый столкнется с уникальными испытаниями и тяготами, а некоторые будут уверены, что конец уже близко. Но не стоит верить досужим разговорам, будто старые добрые времена ушли безвозвратно. Нет! Каждый прожитый нами день велик! И каждое поколение пойдет своей дорогой, чтобы стать величайшим из всех!

Зрители кричали, а король украдкой оглянулся на почетную делегацию. Джайна улыбалась, а Андуин хлопал так сильно, что серебряный медальон подпрыгивал на его груди. Лицо юноши светилось от гордости... И от любви.

Вариан знал, что он больше не одинок в своем сражении за мир. В его венах текла кровь его отцов, и она передалась Андуину. Вариан чувствовал тепло и покой, дарованные его великими предками. Они дали ему силы быть королем, и когда-нибудь эти силы помогут Андуину выполнить его собственное предназначение. Вариан улыбнулся сыну и вновь обратился к толпе со словами уверенности в будущем, которая заполнила его сердце, так долго пустовавшее:

– В прошлом мы полагались на силу и сталь. Мы защищаем, что можем, и разрушаем, что должны. Но это не единственный способ. Если мы хотим восстановить этот мир, мы должны приветствовать время, когда правители Азерота откладывают мечи и становятся целителями. Теми, кто чинит, а не ломает. Только так мы можем исцелить наши раны и достичь мира.

Толпа одобрительно шумела. Даже барон Лесковар с приятелями-лордами с удовольствием поддерживал слова короля. Их сомнения развеяла гордость за своего правителя. Вариан Ринн поднял руки, чтобы в последний раз попросить зрителей о тишине, и снова указал на статуи.

– Оглянитесь! Герои прошлого стоят во весь рост, и мы помним и почитаем их сегодня. Но взгляните и на того, кто рядом с вами! Это – новые герои! Вы... и вы... и вы! Каждый из вас сыграет свою роль. Каждый выполнит свое предназначение. И потом в этот день мы будем вспоминать подвиги кого-то из вас – подвиги, которым не будет равных.

Молодежь добавила свой голос к всеобщему гомону, а невинные глаза засветились надеждой и предвосхищением новых приключений. Даже угрюмый фельдмаршал Афрасиаби притворился, что ему в глаз попала мошка.

– Итак, люди Штормграда! Давайте объединимся! Давайте вновь дадим обещание хранить и защищать Свет. Вместе мы стойко встретим тьму и успокоим этот шторм. Так всегда поступало человечество, и так оно будет поступать!

Под конец толпа разразилась самыми громкими криками.

– Слава королю Вариану! Слава! Слава! – поднялись в небо возгласы ободренного и воодушевленного народа. Казалось, этим возгласам не будет конца. Они доносились до сердца Элвиннского леса и затихали лишь в вершинах Красногорья.

Вариан купался в теплоте, исходившей от его подданных, и впервые за долгие годы чувствовал себя дома. Он понял, что его главное богатство – быть отцом, его великая честь – быть королем Штормграда. И впервые Вариан Ринн гордился тем, что он человек.

